Из воспоминаний участника Великой Отечественной войны Леонида Ивановича Сухих

В 1942 году наша новосформированная пехотная стрелковая 142-я отдельная бригада, защищала от немецких захватчиков легендарный город Севастополь. На протяжении всего времени защиты города проходили очень жаркие, кровопролитные бои. Днем 1 июня 1942 года командир роты, политрук, два командира взвода были убиты. Осталось в нашей роте около 50 солдат. Командир батальона капитан Шутов приказал мне возглавить командование ротой. Вечером, приблизительно часов в 11, в расположение нашей роты заехала легковая немецкая машина с офицером в чине майора и еще с четырьмя командирами. Разглядев, что они попали в расположение русских, открыли огонь. Я приказал солдатам стрелять только по колесам. Машина въехала в окоп. На подступах к ней командир взвода и его помощник были убиты, несколько солдат и я были ранены. Взяли в плен трех немецких офицеров с ценными документами, остальные при перестрелке были убиты. Документы и пленных немцев передали в штаб батальона и сразу же их увезли в штаб бригады.

15 июня 1942 года в полдень связной из штаба бригады принес приказ комбрига: защищать каждый метр своей земли до последней капли крови. Вскоре из бригады последовало неприятное сообщение: танки противника прорвались с правого фланга нашей малочисленной обороны на Куликовом поле. Танки, рвущиеся к Севастополю, совместно с другими подразделениями были отбиты, многие горели. Последние дни обороны Севастополя были насыщены жаркими боями с врагами. У меня, а также в других подразделениях, не хватало боеприпасов, перевязочного материала и медикаментов. Большие перебои в питании. Но никто из нас в такие тяжелые дни, выполняя приказ: «Ни шагу назад!», не дрогнул. У каждого была твердая цель: защищать Севастополь до последней капли крови. 1 июня в 12 часов дня мы увидели впереди, километра за два, какое-то невероятное движение. Когда подошли поближе, то различили, что на нас движется очень большой строй фашистов. Мы поняли, что это психическая атака. Вскоре из штаба батальона прибыл к нам связной с приказом: без сигнала по немцам не стрелять и не поднимать солдат в атаку. А немецкий строй широким фронтом приближался все ближе и ближе, вот уже мы изза своих укрытий на Куликовом поле отчетливо видим их ряды и четкие шаги с ровным строем по фронту.

Расстояние между нами сократилось настолько близко, что давно должно открыть огонь, но сигнальной ракеты с батальонного командного пункта все

еще не было. И вот 200- 150-100 метров. На душе очень тревожно. И вдруг взвилась долгожданная красная ракета-сигнал открыть огонь по атакующим. Мы открыли огонь из винтовок, автоматов и пулеметов по немцам, а они как шли, так и шли. Мы не видели, что немцы падали убитыми, усиливали стрельбу. Патроны на исходе, а они все шли. Расстояние между нами 50 метров. Стали просматриваться немецкие ряды. Взвилась еще одна ракета – зеленая. Это сигнал к атаке. Нервы напряжены до предела. Мы поднялись из-за своих укрытий, начался рукопашный бой. Это страшный бой, и побеждает тот, кто хорошо натренирован на учениях еще в тылу. Немцы настойчиво сражались, но штыковые их удары были неточными. Наши бойцы, стойко и храбро сражаясь с врагом, применяли штык с возгласом: «Вперед! За Родину! Ура!» Отбитая немецкая атака не выдержала нашего напора, противник начал отступать с большими потерями. 2 июля 1942 года с утра нас стали обстреливать и бомбить. У меня в роте осталось 12 человек. Командир батальона объединил остатки в подразделениях и приказал занять оборону. После обеда нас снова стали обстреливать и бомбить. Я был ранен вторично легко, но тяжело контужен. Поблизости разорвалась бомба, и меня засыпало землей. Как и кто меня откопал, я не знаю, пришел в сознание на берегу одной из бухт для отправки в Одессу, в госпиталь. После выздоровления я вновь был в боевых рядах в составе 3-го Украинского фронта.